

Ю.В. Латов

МИЛТОН ФРИДМАН КАК ИСТОРИК-МОНЕТАРИСТ... И ИСТОРИК-РЕТРОПРОГНОЗИСТ

В ноябре текущего года исполняется ровно три года со дня смерти Милтона Фридмана (1912–2006) — одного из наиболее выдающихся экономистов минувшего XX в. Даже те, кто совсем не разделяет идеи «неоклассической контрреволюции», чьим «знаменем» долгое время был М. Фридман, не могут не признать его большого вклада в экономическую науку.

Как и другой нобелевский лауреат, Роберт Фогель, Милтон Фридман мог бы оказаться советским гражданином: если родители Фогеля эмигрировали в США из-под Одессы, то родители Фридмана — из города Берегово (Закарпатская Украина). Видимо, украинские корни великого американского экономиста сыграли не последнюю роль в публикации два года назад в Киеве русского перевода «Монетарной истории Соединенных Штатов» Милтона Фридмана и Анны Шварц*, изданной впервые в США в далеком 1963 г.

В нашей стране это издание прошло практически незамеченным¹. Российский читатель больше знаком с Фридманом-публицистом, автором таких книг как «Капитализм и свобода» и «Свобода выбирать»². Собственно научные труды Милтона Фридмана в России хотя и издавались³, но не вызывали сколько-нибудь широкого интереса. Не стала исключением и «Монетарная история...», благо оно представляет собой очень толстый «кирпич» (в 800 с гаком страниц), написанный достаточно академическим стилем, в расчете на квалифицированных специалистов, и изданный небольшим тиражом.

Эта книга писалась в расчете не столько на мировое научное сообщество, сколько на американских экономистов и историков. Поэтому некоторые из 13-ти глав «Монетарной истории...» пос-

* Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов 1867–1960 гг. Киев: «Ваклер», 2007.

вящены специфически американским историко-экономическим сюжетам (как, например, «Период гринбеков» или «Инфляция периода Второй мировой войны»), которые в нашей стране интересны и понятны только немногим специалистам по истории США. Тем не менее, читатели этой монографии, интересующиеся проблемами экономической истории, найдут в ней много любопытного. Это относится, прежде всего, к сюжетам, связанным с деятельностью знаменитой Федеральной резервной системы, чей опыт очень важен для центральных банков всех стран (включая и Россию).

Поскольку автор данной статьи давно занимается проблемами альтернатив социально-экономического развития, его сильнее всего в «Монетарной истории...» заинтересовал сюжет, связанный с анализом причин знаменитой Великой депрессии.

Великая депрессия — это, как известно, самый черный период истории США минувшего века. Хотя экономический кризис 1929–1933 гг. прокатился по всем развитым капиталистическим странам, Америка пострадала от него сильнее остальных. Великая депрессия произвела шоковое впечатление на современников не только потому, что она была самым глубоким и продолжительным спадом производства за всю историю рыночного хозяйства. Этот спад ужасал еще и тем, что он последовал после периода необычайно бурного роста⁴, «проспери-ти». Казалось, что глубокие экономические кризисы остались в XIX в., но Великая депрессия обрушилась, как цунами, далеко превзойдя предыдущие циклические кризисы и по продолжительности, и по глубине. В частности, в США сокращение ВВП достигло 30%, к уровню 1929 г. национальная экономика «выползла» только в 1937 г. К тому же именно в те годы, когда развитые страны Запада переживали катастрофический спад, в СССР развертывалась сталинская индустриализация, демонстрирующая невиданные (правда, как позже выяснилось, не совсем достоверные) темпы роста. Этот контраст между прошлым и настоящим, между «загнивающим капитализмом» и «процветающим социализмом», рождал у людей Запада ощущение краха всей привычной им цивилизации.

Катастрофический характер кризиса 1929–1933 гг. первоначально маскировался тем, что его механизм в общем совпадал с

механизмом обычного циклического кризиса (отрыв производства от спроса, затоваривание, лавинообразный спад производства, снижение цен...). На этом основании советская пропаганда 1930-х гг. злорадно предрекала капитализму скорый крах — мол, если такой кошмар будет повторяться раз за разом, то система неизбежно рухнет. На самом деле события Великой депрессии были во многом экстраординарны, и их принципиально нельзя сводить только лишь к одному из циклических кризисов.

Причины возникновения и затягивания Великой депрессии до сих пор остаются объектом оживленных дискуссий историков-экономистов. В одном из предыдущих выпусков «Историко-экономических исследований» уже сообщалось о ретропрогнозных исследованиях А. Ритшля и У. Войтека⁵. Эти современные экономисты, занявшиеся моделированием «альтернативной истории» Великой депрессии, считают, что главным фактором, который превратил обычный экономический кризис в «американскую трагедию», были ошибки Федеральной резервной системы (ФРС). Теперь, читая «Монетарную историю...» М. Фридмана и А. Шварц, можно обнаружить интеллектуальные истоки этого подхода.

По мнению историков-монетаристов, ФРС вполне могла бы до конца 1930 г. остановить катастрофическое снижение денежной массы и, таким образом, предотвратить кризис ликвидности. Однако антикризисная политика Федеральной резервной системы оказалась на удивление вялой. Как известно, для борьбы с кризисом рекомендуется проводить политику «дешевых денег»: Центральный банк (функции которого в США выполняла ФРС) скупает у коммерческих банков государственные ценные бумаги, в результате чего у коммерческих банков увеличивается наличность, они дают больше кредитов под более низкий процент и т.д. Эта методика будет в 1936 г. теоретически обоснована в «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса, но практики-банкиры хорошо знали ее и раньше. В 1920-е гг. в США уже были эпизоды (в 1923–1924 гг. и в 1926–1927 гг.), когда ФРС, столкнувшись со спадом экономической активности, проводила активную скупку государственных ценных бумаг, в результате чего рецессии удавалось быстро погасить. Однако «после активной, энергичной и самоуверенной политики, прово-

дившейся в 1920-х гг., с 1929 г. по 1933 г. имела место пассивная, оборонительная и нерешительная политика»⁶.

Проявлением этой пассивности является, например, тот факт, что закупки у коммерческих банков государственных ценных бумаг федеральными резервными банками в 1929–1930 гг. хотя и производились, но в меньших масштабах, чем во время рецессии 1923–1924 гг. Лишь весной 1932 г. ФРС попыталась начать крупномасштабные покупки ценных бумаг. Когда оказалось, что немедленного улучшения не происходит, «ФРС быстро впала в состояние своей прежней пассивности»⁷.

Отвечая на вопрос, «почему монетарная политика была такой неуместной» (именно так называется один из разделов книги М. Фридмана и А. Шварц), авторы «Монетарной истории...» предлагают следующее объяснение. «Детальный рассказ о каждом банковском кризисе в нашей истории, — пишут историки-монетаристы, — показывает, как много зависит от присутствия одной или нескольких выдающихся личностей, пожелавших взять на себя ответственность и руководство»⁸. Ключевой фигурой событий Великой депрессии является, по мнению американских монетаристов Бенджамин Стронг, руководитель Федерального резервного банка Нью-Йорка и наиболее авторитетный руководитель ФРС.

Об этом человеке можно сказать словами Честертона: он сыграл в событиях монетарной истории США очень любопытную роль, но роль, которую он не сыграл, еще любопытней. Дело в том, что Б. Стронг был активным сторонником проведения политики «легких денег» для оживления деловой активности — отсюда активная политика ФРС в 1920-е гг. Однако он умер в октябре 1928 г., ровно за год до «черных дней» («черного четверга» и «черного вторника» 24 и 29 октября 1929 г.), когда на Нью-Йоркской фондовой бирже один за другим произошли два резких обвала курсов акций, что считают началом экономической катастрофы. Смерть Стронга оставила ФРС без решительного руководства в самый ответственный момент времени. Управление делами ФРС стало, с одной стороны, более демократичным. Раньше Комитет по инвестициям на открытом рынке состоял из управляющих только пятью крупнейшими федеральными резервными банками, которые обычно подчинялись Стронгу как

руководителю самого крупного Федерального резервного банка Нью-Йорка. Теперь же в Комитет вошли управляющие всех двенадцати федеральных резервных банков. Однако в результате Комитет превратился в группу «людей, ни один из которых не знает, что следует делать, но которые совместно решают, что ничего нельзя сделать»⁹.

Предложенное М. Фридманом и А. Шварц объяснение Великой депрессии напоминает, безусловно, хрестоматийную английскую песенку: «Не было гвоздя — подкова пропала...». Действительно, получается, что стоило Стронгу прожить еще хотя бы пару лет (великий финансист умер в возрасте всего 56 лет), и Великая депрессия превратилась бы в обычный циклический спад¹⁰. Позже, в одном из телеинтервью Милтон Фридман прямо так и заявил: «Проведение неправильной монетарной политики частично стало результатом обычной случайности, так как в 1928 г. умер Бенджамин Стронг, пользовавшийся огромным влиянием в Центральном банке. Я со всей ответственностью могу сказать — если бы он прожил еще два или три года, то Великой депрессии, возможно, вообще бы не было»¹¹.

Авторы «Монетарной истории...» явно предвидели, что их объяснение многие посчитают несколько легковесным. «...Объяснение финансового краха как, главным образом, результата перераспределения полномочий от Федерального резервного банка Нью-Йорка к другим федеральным резервным банкам, а также результат биографий и характеристик людей, которые номинально находились при власти, может казаться надуманным, — пишут они. — В соответствии с общепринятым принципом, великие события всегда имеют великое начало; следовательно, для объяснения такого значительного события, как финансовая катастрофа в Соединенных Штатах с 1929 г. по 1933 г., требуется нечто большее чем характеристика отдельных личностей или официальных органов, которые оказались у власти»¹². Однако «небольшие события иногда имели значительные последствия, и при этом существуют такие вещи, как цепные реакции и кумулятивные силы»¹³. В начале 1960-х гг., когда Фридман и Шварц работали над «Монетарной историей...», до формирования теории синергетики, оперирующей для объяснения «эффекта бабочки» понятиями аттракторов и бифуркации, оставалось

еще примерно десять лет. Поэтому американским монетаристам пришлось для подкрепления своей точки зрения обратиться к метафоре: «Тот факт, что для удержания скалы, которая начинает обвал, требовалась небольшая сила, совсем не означает, что масштабы оползня будут незначительными»¹⁴.

Рассуждения Милтона Фридмана об альтернативах монетарной истории США приводят к ряду интересных выводов.

Во-первых, налицо определенное противоречие между общей установкой неоклассиков на то, что «невидимая рука» рынка наилучшим образом справится со всеми экономическими проблемами. Именно из-за этой убежденности, что «проблемы решатся сами по себе», руководители ФРС так вяло реагировали на развертывание кризиса. Предложенное авторами «Монетарной истории...» объяснение причин Великой депрессии доказывает от противного, что централизованное регулирование при помощи Центрального банка — необходимый элемент развитого рыночного хозяйства. Конечно, ФРС — это не правительство; однако 12 руководителей федеральных резервных банков США образуют, по существу, «второе правительство», которое во многих отношениях более влиятельно, чем первое. И если это правительство в критической ситуации предоставит «делам идти своим ходом», они могут дойти до катастрофы¹⁵.

Во-вторых, предложенный М. Фридманом подход к монетарной истории как к области высокого значения субъективных факторов открывает новую перспективу для любителей «альтернативной истории». До сих пор зарубежные и отечественные любители порассуждать, «что было бы, если...», концентрируют свое внимание в основном на военно-политической истории. Это пристрастие к «военным играм» основано во многом на том, что для более-менее корректных ретропрогнозов желательно изучать исторические case-study с ограниченным числом «игроков» и детерминант. Если творчески следовать подходу М. Фридмана, то историю «большого бизнеса», подобно истории боевых сражений, тоже можно интерпретировать как взаимодействие ограниченного числа «полководцев». В таком случае любителям контрфактического моделирования надо порекомендовать переключаться с военных «игр» на изучение экономической истории.

Примечания

¹ Едва ли не единственным отзывом стала маленькая заметка: Белян П. В поисках виноватых // Бизнес. № 52 (779). 24 декабря 2007 г. — Режим доступа: <http://www.business.kiev.ua/i779/a24065/>.

² Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006; Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция. М., 2007.

³ См., например: Фридман М. Основы монетаризма. М., 2002.

⁴ По подсчетам П. Байроха, в 1920–1929 гг. в развитых странах средний темп ежегодного прироста ВВП на человека составлял 3,1%. Такого быстрого роста ранее в истории рыночного хозяйства никогда не было, вновь подобная ситуация будет наблюдаться только в 1950–1970-е гг. (Baïroch P. Economics and World History. University of Chicago Press, 1993. P. 7).

⁵ Латов Ю.В. «Что, если бы...» в современной клиометрике // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 3. С. 49–52.

⁶ Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов 1867–1960 гг. Киев, 2007. С. 397.

⁷ Там же. С. 403.

⁸ Там же. С. 402.

⁹ Там же. С. 401.

¹⁰ Мнение, что Б. Стронг был в некотором смысле ключевой фигурой Великой депрессии и мог бы ее предотвратить, выражают и некоторые другие западные историки-экономисты (см., например: Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. University of California Press, 1986).

¹¹ Цит. по: Маслов О. Риск-менеджмент, управление рисками и риск наступления Первой глобальной Великой депрессии XXI века (2008). — Режим доступа: <http://iraqwar.mirror-world.ru/article/163028>.

¹² Фридман М., Шварц А. Указ. соч. С. 403.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 404.

¹⁵ Впрочем, в «Монетарной истории...» есть и другой ретропрогноз, доказывающий, что деятельность ФРС могла и усугубить ситуацию. Речь идет о депрессии 1920–1921 гг., которая стала первым испытанием новой системы монетарного контроля. «Имела место естественная, печальная тенденция чрезмерно долгого ожидания того, чтобы надавить на тормоз... а затем давить на тормоз очень сильно...» (там же. С. 232). В результате, по оценке историков-монетаристов, рост цен в первые послевоенные годы оказался минимум на треть выше, чем если бы не был принят Закон о ФРС. Необходимость регулирования не означает, безусловно, что любое регулирующее воздействие окажется позитивным.